

Е.Г. Степанян

Лондон – Париж

Елена Степанян
Лондон – Париж

«Теревинф»

2015

УДК 821.161.1-2 Степанян Е.
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

Степанян Е. Г.

Лондон – Париж / Е. Г. Степанян — «Теревинф», 2015

ISBN 978-5-4212-0301-8

Это история неистовых страстей и захватывающих приключений в «эпоху перемен», которыми отозвалась в двух великих городах Лондоне и Париже Великая французская революция. Камера в Бастилии и гильотина в ту пору были столь же реальны, как посиделки у камина и кружевные зонтики, а любовь и упорная ненависть, трогательная преданность, самопожертвование и гнусное предательство составили разные грани мира диккенсовских персонажей.

УДК 821.161.1-2 Степанян Е.

ББК 84(2Рос=Рус)6-6

ISBN 978-5-4212-0301-8

© Степанян Е. Г., 2015

© Теревинф, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Елена Грантовна Степанян
Лондон – Париж. Сценарий
по мотивам романа Чарльза
Диккенса «Повесть о двух городах»**

С другими произведениями Е.Г. Степанян можно познакомиться на сайте автора eg64.ru, на странице в facebook www.facebook.com/groups/egs64, а также на сайтах proza.ru и stihi.ru (поиск по фамилии автора).

Пролог (Франция, 1765 год)

По дороге, обсаженной вязами, мчится карета с зашторенными окнами.

В карете, освещенной тусклым фонарем, четверо: двое в надвинутых треуголках, закутанные в плащи, напротив них – человек лет тридцати с красивым открытым лицом (доктор Манэ) и телохранитель с отсутствующей физиономией. Доктор Манэ пытается приподнять штору на окне и выглянуть наружу. Один из закутанных властным жестом опускает штору.

Манэ. Господа, вы меня похищаете?

Первый. Мы почти доехали, доктор.

Манэ. Неизвестно куда. И неизвестно, к кому. Ведь вы до сих пор не пожелали назваться.

Второй (*насмешливо*). Но ведь долг врача – оказывать помощь при любых обстоятельствах?

Манэ молчит, сохраняя невозмутимое выражение.

Карета въезжает в плохо освещенный парк и останавливается перед двухэтажным флигелем.

* * *

Прибывшие поднимаются по лестнице, входят в роскошно убранную спальню.

На кровати мечется молодая женщина, ее руки привязаны к телу какими-то шарфами, обрывками простыней. Время от времени женщина стонет и бормочет что-то нечленораздельное. Караулившая ее служанка в чепце и переднике при появлении вновь прибывших выскальчивает за дверь. Доктор наклоняется к женщине, пытается приподнять ей веки. Она кусает его за запястье.

Манэ (*обращаясь к Первому*). Это ваша жена?

Первый (*брезгливо*). Нет.

Манэ. Я не думал, что случай настолько серьезный, господа. У меня нет с собой того, что нужно, а если послать ко мне...

Первый (*перебивая*). Здесь есть аптечка.

Второй протягивает доктору аптечку. Манэ открывает пузырьки, нюхает содержимое, пробует на язык.

Манэ. Она давно в таком состоянии?

Первый. Второй... нет, третий день.

Манэ (*покачивая головой*). Вам известно, чем оно вызвано?

Первый. Простите?..

Манэ. Что с ней перед этим произошло?

Второй (*с холодной наглостью*). С ней грубо обошлись.

Манэ пытается влить женщине в рот лекарство. Она сопротивляется. Наконец, ему удается это сделать.

Женщина кричит: «Этьен! Андрэ!» Лекарство выливается у нее изо рта.

Манэ (*снова наливая в рюмку лекарство*). Кого она зовет? **Первый** (*сквозь зубы*). Своего мужа. И брата.

Манэ. А где ее муж?

Первый злобно смотрит на Второго.

Второй (*прежним тоном*). Он умер. Его избили и он умер.

Доктор силой вливает больной лекарство и зажимает ей рот, заставляя проглотить. Больная постепенно затихает. Доктор высвобождает ее руку и считает пульс.

Манэ. Снотворное действует. Но шансов почти никаких, имейте в виду.

Первый (*надменно, но с некоторой неловкостью*). Здесь есть еще один больной. Посмотрите его тоже.

Все направляются к выходу. Сиделка проскальзывает обратно в комнату.

* * *

Манэ и хозяйка идут темным коридором, поднимаются по узкой лестнице и оказываются на каком-то чердаке.

На полу на соломе лежит юноша лет восемнадцати в разорванной одежде. Манэ наклоняется к нему и видит, что вся солома под ним намокла кровью.

Юноша с трудом открывает глаза и видит Манэ.

Манэ. Друг мой, я доктор.

Юноша (*глухо*). Мне не нужен доктор.

Манэ. Я все же хочу осмотреть вашу рану.

Юноша. Не надо. Все равно помру. – А она? Вы ее видели, доктор? (*Манэ утвердительно кивает.*) Она жива?

Манэ. Да.

Юноша (*с горечью*). Еще жива! (*Он начинает задыхаться, но говорит громче*) Всю семью извели, доктор, всю семью! Отец, как узнал, что это случилось, так сразу и умер. А я тогда не выдержал, побежал сюда. (*Пытается приподняться.*) Да как же можно это терпеть? Мужа до смерти забили... ни за что... напраслину на него возвели... А ее силой сюда притащили.

Манэ. Это ваша сестра?

Юноша отвечает кивком и опять опускается на солому.

Юноша. Они думают, что мы не люди! Да разве такое можно выносить! (*Задыхается.*) Ну вот! А теперь всё! Теперь мне тоже конец.

Первый (*не выдержав*). А чем ты думал, болван, когда лез с топором на своего сеньора? (*К доктору*) Он бросился на моего брата с топором!

Юноша (*приподнимаясь*). А вы, маркиз д'Эвремонт, вы о чем думаете? Вы что, вечно собираетесь пить нашу кровь? – У людей ведь ничего уже не осталось! Траву едят! Ничего не осталось! Только ненависть к вам осталась! Подождите, скоро все придут сюда с топорами. Не я один. А мне такая жизнь все равно не нужна. Ничего. Я и мертвый к вам приду, подождите! (*Теряет сознание.*)

* * *

Доктор Манэ и сиделка у постели больной.

Манэ. Ну, вот и все.

Сиделка (*мрачно*). Очень уж гордая была.

* * *

Манэ и маркиз д'Эвремонт.

Маркиз. Доктор, я крайне сожалею обо всем, что здесь произошло. Мой брат еще очень молод, он очень неводержан. Но я надеюсь, что подобное не повторится. (*Поигрывает пальцами по столу.*) Вам стало известно наше имя. Я могу положиться на вашу скромность?

Манэ. Существует понятие врачебной тайны, господин маркиз.

Маркиз (*кивает и протягивает Манэ кошелек*). Это ваш гонорар.

Манэ. К сожалению, я никому не оказал реальной помощи, и поэтому не считаю возможным принять деньги.

Маркиз. Вы отказываетесь от платы? Значит, вы что-то задумали.

Манэ. Я уже сказал вам.

Маркиз. Доктор, вы знаете, кто я. И вы, я надеюсь, понимаете, что для меня что вы, что эти люди! (*Делает пренебрежительный жест.*) Я никого не боюсь. Но я не хочу огласки. У меня на это свои причины! У меня есть жена. Она сложный человек, но она моя жена. И она имеет влияние на моего сына. (*Подталкивает ему кошелек.*) Возьмите деньги.

Манэ. Благодарю вас, но я не считаю возможным их принять.

Маркиз. Прежде чем что-то затевать, доктор, хорошенько подумайте! Подумайте о своей семье! Ваша жена англичанка?

Манэ (*удивленно*). Да.

Маркиз. Моя жена считает, что все англичане с утра до вечера читают Библию. Ваша жена тоже читает Библию?

Манэ. Нет.

Маркиз. Хорошо. Так вы возьмете деньги?

Манэ. Нет. И поскольку я здесь уже никому не нужен, ваше сиятельство, я хотел бы откланяться.

* * *

Манэ в карете один.

Манэ (*кутаясь в плащ*). Почему так холодно?

* * *

Манэ открывает дверь своего дома.

Его слуга, мальчик лет семнадцати, спит, сидя на нижней ступеньке лестницы.

От звука открываемой двери он просыпается.

Манэ. Что ты тут делаешь, Эрнест?

Дефарж. Ох, хозяин, наконец вы вернулись! (*Вскакивает.*) Мадам велела, чтоб я ее сразу разбудил, как вы вернетесь.

Манэ. Не надо. Но почему вы так рано улеглись?

Дефарж. Мы две ночи не спали, хозяин. Маленькая Люси, как вы уехали, ни на минуту не переставала плакать. Вот только час, как успокоилась.

Манэ. Согрей мне ужин и отправляйся спать.

* * *

Ночь. Доктор Манэ за письменным столом. Он кладет перо, перечитывает то, что написал, складывает лист и рвет на множество частей.

* * *

День. Доктор Манэ прогуливается по набережной Сены. Он смотрит на воду. По воде плывут желтые и темно-красные листья.

* * *

Ночь. Доктор Манэ снова что-то пишет за письменным столом. Снова рвет написанное. Доктор Манэ сидит, обхватив голову руками.

* * *

Вечер. Доктор Манэ в своем кабинете. В дверь заглядывает Дефарж.

Дефарж (*нерешительно*). Хозяин! Там пришли какие-то... Говорят, тяжелые роды на улице Сент-Оноре.

Манэ встает и начинает одеваться.

Манэ. Собери мне сумку. А я потом проверю, запомнил ли ты, что нужно при тяжелых родах.

Дефарж. Хозяин, мне эти люди не нравятся. Ужасно не нравятся. Может, я скажу, что вас нет? Нет – и всё!

Манэ. Ты что, малыш! Если я стану лечить только тех, кто тебе нравится!..

Дефарж. Хозяин, давайте я с вами поеду! Возьмите меня!

Манэ (*проводя рукой по его голове*). Да чего ты так испугался? А кто же будет охранять мадам и маленькую Люси?

* * *

Доктор выходит в соседнюю комнату. Ему навстречу – человек с умоляющим выражением лица, у дверей второй, точно такой же.

Первый (*скорбным тоном*). Доктор, ради всего святого! Очень тяжелые роды!

* * *

Доктора усаживают в карету. Первый садится с ним, второй вскакивает на козлы. Карета проезжает несколько кварталов, останавливается. Дверцы распахиваются. Двое неизвестных бросаются к Манэ и надевают на него наручники. После этого в карету неспеша садится маркиз д'Эвремонт.

Маркиз. Я же предупреждал вас, доктор, – не вздумайте нарушать покой моей семьи.

Вот ваше письмо прокурору Парижа. Оно очень убедительно написано, но, к сожалению, мне придется его сжечь. (*Выглядывая в окно кареты*) В Бастилию!

Часть первая (Восемнадцать лет спустя)

Глава первая

* * *

1. Лондон. Адвокатская контора «Картон и Страйвер». Двое молодых людей (Картон и Страйвер), стоя, почтительно внимают старому джентльмену, мистеру Лорри.

Лорри. Вот так он и провел в Бастилии восемнадцать лет.

Страйвер. Ужасно! Без предъявления обвинения, без суда и приговора!

Картон. Восемнадцать лет – это же целая жизнь!

Лорри. Да, для вас это целая жизнь. Ведь вам, Сидней, еще двадцати четырех не исполнилось?

Картон. Через две недели, сэр!

Лорри. А мистеру Страйверу?

Страйвер. Мне уже двадцать пять, сэр.

Картон. Дьяволы! Уж лучше бы убили!

Страйвер. Что ты такое говоришь, Сидней!

Картон. То и говорю. По-моему, милосерднее убить, чем вот так годами растаптывать человеческую жизнь! – А его несчастная жена! Она ведь даже при желании не смогла бы еще раз выйти замуж! Она же не знала, вдова она или нет.

Лорри. Да, вы в чем-то правы, Картон. Моя кузина, конечно, не помышляла о новом замужестве. Но вся эта история стала причиной ее ранней смерти.

Страйвер. А как вы, сэр, узнали о его освобождении?

Лорри. Я получил через Теллсон-банк письмо от человека, назвавшегося душеприказчиком некоей маркизы д'Эвремонд.

Картон. Почему «назвавшегося», сэр?

Лорри. Тон письма несколько сбивчивый, и тот, кто его писал, и сам не юрист, и, конечно, ни к каким юристам не обращался.

Молодые люди с улыбкой переглядываются.

Страйвер (*с легким поклоном*). Да, нам до вас далеко, сэр!

Картон. А кто такая маркиза д'Эвремонд?

Лорри. Мне о ней ничего не известно. Никаких дел с нашим банком она не вела.

Страйвер. Удивительное дело! Я столько раз слышал о людях, заключенных в Бастилию пожизненно, а по моим воспоминаниям она не так уж велика. Сколько же в ней помещений? Как они там все умещаются?

Картон. Неужели ты думаешь, Дик, что с пожизненным сроком в одиночной камере можно долго прожить? Они очень быстро умирают, а еще быстрее сходят с ума. (*К Лорри*) А этот джентльмен, сэр, ваш... э-э... дальний родственник, он в полном порядке?

Лорри. Нет. Насколько я понял из письма, он в очень плачевном состоянии. (*Помолчав*) Он совершенно ничего не помнит. Ни кто он сам, ни что с ним произошло.

Картон. А его дочери об этом известно?

Лорри (*отрицательно покачав головой*). Ей ничего толком не известно. Она думает, что речь идет о наследовании какого-то имущества. О таких тяжелых вещах лучше говорить с глазу

на глаз, а не в письме. Завтра мы встречаемся с нею в Дувре. Я уже заказал билеты на корабль, который отплывает завтра ночью.

Картон. А сколько ей лет?

Лорри. Девятнадцать. Она живет в Рединге. Формально ее опекуном являюсь я, но воспитывала ее подруга ее покойной матери, некая мисс Энн Адамс, очень достойная женщина.

Картон. Мистер Лорри, но вы ей даже опомниться не даете!

Страйвер. Сидней! Что ты такое говоришь?!

Картон (*не обращая на него внимания*). Вы представьте: она, хоть и сирота, но живет беззаботно, о чем-то мечтает наверное, и тут на нее обрушивается такое наследство – призрак, выходец с того света.

Страйвер. Сидней! Мистер Лорри лучше тебя разбирается во вверенных ему делах.

Лорри (*невозмутимо*). Милый мой Картон! Я человек штатский (*он поднимает палец*), сугубо штатский. Но я знаю, что в житейских делах, как на войне, самые лучшие решения принимаются быстро, под напором неотвратимых обстоятельств. Я собираюсь отплыть во Францию завтра ночью. А мисс Манэ!.. Она может приехать туда и позже. Или совсем не приезжать, тогда я сам привезу сюда ее отца. Оставить его во Франции будет слишком сложно, потому что врачебной практикой он, как вы понимаете, заниматься не может, а вся небольшая собственность их семьи находится в Англии.

Страйвер. Мы не сомневаемся, сэр, что ваша поездка завершится самым успешным образом.

Лорри. Я тоже в этом не сомневаюсь. Но, на всякий случай, мое завещание у вас, и оно остается в силе.

Картон (*сухо, но с легкой иронией*). Счастливого пути, сэр! Надеюсь, погода будет вам благоприятствовать.

Лорри (*берет шляпу и трость*). Да-да, погода... Когда она тихая, на нее не обращают внимания, а когда начинается шторм!..

Я рассказал вам историю доктора Манэ, мои друзья, еще и потому, что мы, англичане, часто забываем, что живем под охраной лучших в мире законов. И вот человек, такой же как мы, женатый на моей родственнице, жил, можно сказать, совсем рядом, через этот узкий пролив...

* * *

Картон и Страйвер вдвоем.

Страйвер. Ты что, спятил, мой милый компаньон? Что ты суешься не в свое дело? Ты теперь всем и каждому будешь высказывать свои личные соображения?

Картон (*с кислой миной*). Успокойся, *твоя фирма* от меня не страдает. (*С вызовом*) А мистеру Лорри я говорил и буду говорить все, что я думаю, понятно?

Страйвер (*примирительно*). Ну ладно, я все забываю, что у тебя с мистером Лорри свои отношения. Для меня он – воплощение Теллсон-банка, все равно, что сам мистер Теллсон. А для тебя – это старый друг твоего отца. Ну что же, он немало способствовал блестящей репутации покойного мистера Картон. А мне, как твоему компаньону, она тоже досталась в наследство.

Картон. Вот видишь, я с тобой поделился, но своей долей буду распоряжаться как хочу.

Страйвер. Но я заметил, что мистер Лорри готов ездить во Францию по любому поводу. Неважно, есть там дела у Теллсон-банка или нет.

Картон. А вот это уже совершенно никого не касается.

* * *

Картон подходит к зеркалу, надевает шляпу, поворачивается, пытаясь разглядеть себя в профиль, и выходит.

* * *

На улице. Картон проходит несколько шагов, снимает шляпу, встряхивает своими густыми длинными волосами. Картон продолжает свой путь, держа шляпу в руке и поигрывая этим бесполезным предметом.

Картон входит в ресторацию. Усаживается в отдельной комнатке.

Входит хозяин.

Хозяин (*с поклоном*). Добрый вечер, мистер Картон! Все как обычно, сэр?

Картон (*милостиво кивая*). Благодарю вас, Пирсон.

Хозяин (*слуге*). Ужин мистера Картона!

Картон (*сквозь зубы*). Дьяволы, чтоб вам провалиться!

Хозяин (*испуганно*). Простите, сэр?

Картон. Это не к вам относится, Пирсон. Это я по поводу одного француза.

Хозяин. Терпеть не могу французов. Развратная нация.

В дверях появляется проститутка.

Хозяин. Ну, не буду мешать. Желая приятного ужина, сэр.

Проститутка (*усаживаясь за стол*). Привет, Сидней!

Картон. Привет, Мэг! Давно тебя не было видно.

Входит слуга, накрывает на стол.

Мэг. Магушка моя долго болела.

Картон. Выздоровела?

Мэг. Ага. Вчера похоронили.

Картон (*смуцинно*). У тебя, наверное, долги? Я дам тебе денег, иди домой.

Мэг. А что я там буду делать, дома? Не скажешь ли?

Картон (*вздыхает*). Тоже верно.

Она придвигается ближе и прижимается головой к его плечу.

Мэг. Вот так-то.

* * *

2. Пасмурный день на море.

Трехмачтовый парусный корабль входит в гавань.

Редкие солнечные лучи, пробиваясь сквозь тучи, золотят паруса.

* * *

Гостиница в Дувре. Мистер Лорри, расположившись в кресле, читает небольшую книжку, время от времени поглядывая на окно.

Входит гостиничный слуга.

Слуга. «Святой Людовик» выйдет в море ровно в полночь, сэр.

Лорри. Комната для двух леди готова?

Слуга. Да, сэр. Леди останутся ночевать?

Лорри. Думаю, что нет. Но комната будет оплачена до утра.

* * *

По дороге несется почтовый дилижанс. В дилижансе только две пассажирки: строго одетая дама средних лет (мисс Адамс) и молоденькая нарядная девушка с золотистыми локонами (Люси). Они весело смеются.

Мисс Адамс наматывает на свой палец развившийся локон Люси и старается его закрепить.

Мисс Адамс. Я хочу, чтобы он увидел тебя во всей красе. Он просто ахнет, этот мистер Лорри. Ведь в последний раз он видел совсем маленькую девочку.

Люси (*смеясь*). Вот если бы девочка превратилась в мальчика, тогда бы он действительно ахнул.

* * *

Гостиница. Мистер Лорри подходит к окну. Он видит, как из прибывшего дилижанса выходят обе женщины.

* * *

Комната в гостинице. Женщины сидят на кушетке и рыдают в объятиях друг друга. Мистер Лорри, заложив руки за спину, прохаживается по комнате.

Лорри. Я должен просить у вас прощения, милая Люси.

Я должен был предугадать, что это будет для вас очень тяжело. И вы, ради Бога, простите меня, мисс Адамс.

Люси (*вставая*). Что вы, мистер Лорри! Это я должна просить у вас прощения. Я вам очень-очень благодарна. Мы расплакались из-за моей бедной матушки.

Она не может говорить и снова плачет.

Мисс Адамс (*сквозь слезы*). Если бы она знала, что он жив! Если бы она знала! Она бы ни за что не умерла!

Люси (*вытирая слезы, решительно*). Когда отходит корабль?

Лорри. Ровно в полночь.

Люси. А раньше никак нельзя?

Лорри. Не волнуйтесь, дитя мое, мы пересядем в почтовую карету прямо в порту. У меня все расписано по часам.

Люси. А кто эти люди, сэр, у которых сейчас находится мой отец?

Лорри. Его приютил бывший слуга, Эрнест Дефарж. Я его помню, он служил у вашей матушки до самого нашего с вами отъезда в Англию. Очень был смысленный паренек, ваша мать говорила про него, что это готовый аптекарь.

Мисс Адамс. Ну конечно, маленький Эрнест!

Лорри. Сейчас он уже взрослый, у него семья. Они держат винный погребок в Сент-Антуанском предместье.

Люси. Благослови их Бог за их доброту! Но чем скорее мы его заберем, тем лучше. Зачем такому тяжелобольному оставаться в чужом доме, когда у него есть свой дом и своя семья?

Мисс Адамс. Мы с Божьей помощью сумеем его выводить и поставить на ноги.

Лорри (*тяжело вздыхая*). Увидим, мисс Адамс, увидим. Во всяком случае, будем надеяться.

* * *

Ночь. Парусный корабль, подгоняемый легким ветром, скользит по волнам. Лорри, Люси и мисс Адамс, стоя у борта, любоваются луной и лунным светом, бегущим по морской ряби.

Люси. Как красиво! Но мне все же немножечко страшно.

Я буду держаться за вас, сэр. Я ведь первый раз в жизни в открытом море.

Лорри. Второй, мое милое дитя. Первый был много лет назад. А для меня пересечь этот пролив все равно, что из дому добраться до моего старого доброго Теллсон-банка. Вот когда я впервые плыл в Америку, да еще попал в сильный шторм, мне, честно говоря, было не по себе.

Люси. Я бы просто умерла со страху!

Лорри. Мне никак нельзя было умирать. И тогда я вспомнил своего любимого Колумба, как он плыл без всякой карты в полную неизвестность, и уцепился за него, вот так же, как вы теперь за меня.

Мисс Адамс (*наставительно*). В таких случаях, сэр, надо молиться. Наша опора Господь. Скала спасения нашего.

Лорри (*добродушно*). Совершенно верно, мисс Адамс. Но чтобы опереться на скалу, надо сначала на нее взобраться. А это не каждому под силу. Вот я и цеплялся за моего любимого Колумба.

* * *

3. Париж. Утро. Сент-Антуанское предместье, квартал бедноты.

Винный погребок Дефаржа. За одним столом двое посетителей, за другим – всего один. Дефарж и его жена за стойкой расставляют бутылки, посуду.

Дефарж (*тихо*). Я пошел.

Жена Дефаржа. Опять к нему?

Дефарж (*кивая*). Его надо почаще навещать и каждый раз понемножку кормить. Так он скорее начнет понимать, что он уже не в тюрьме.

Жена Дефаржа (*пожимая плечами*). На что ты надеешься? Начнет понимать! Главное, чтобы он не помер тут у нас! (*Понижая голос*) А если кто-нибудь придет за *этим*? (*Указывает головой на маленькую дверь*).

Дефарж. Ну ты же все знаешь!

Жена Дефаржа. А сюда опять мальчишку поставлю?

Дефарж. Ну да.

Жена Дефаржа. А вот заметят, что мальчишка все время за стойкой торчит, а мы чем-то там занимаемся, и донесут.

Дефарж. Донесут – откупимся. И так всю жизнь на волоске висим. (*Уходит.*)

* * *

По улицам Парижа едет карета. В карете мистер Лорри, Люси и мисс Адамс.

Мисс Адамс внимательно смотрит в окно. Люси сидит, вся сжавшись.

Лорри (*беря ее за руку*). Вот как случается, моя дорогая!

Вы в этом городе родились, а сейчас его видите впервые. А вот я родился в Южном Уэльсе, а знаю здесь каждую улицу, каждый переулочек.

Мисс Адамс (*глядя в окно*). Странно!

Люси. Мистер Лорри! Я думаю только об одном – как бы поскорее отсюда выбраться. Так будет лучше и для моего бедного отца, и для всех нас. Не знаю, может быть, я схожу с ума, но мне кажется, что за нами следят, что на нас надвигается какая-то опасность.

Лорри. Держитесь, моя дорогая, все будет хорошо.

Мисс Адамс (*глядя в окно*). А впрочем, ничего странного.

Лорри. Что вас там удивило, мисс Адамс?

Мисс Адамс. Мы проехали столько церквей, и только возле одной стояли нищие.

Лорри. И что же это значит, по-вашему?

Мисс Адамс. Нищие всегда стоят в тех местах, где они могут рассчитывать на подаяние.

Лорри. Я хорошо знаю французов, мисс Адамс, они щедро подают нищим. Конечно, когда у них есть деньги.

Мисс Адамс. Я говорю совсем о другом. Если нищие не просят возле церкви, значит, в церковь никто не ходит.

Лорри. Но ведь сегодня будний день. По воскресеньям и праздникам все церкви полны.

Мисс Адамс. Мне известно, чем отличаются праздники от будней, сэр. (*После паузы*) Но все же возле одной церкви я видела нищих.

Лорри (*подмигивая*). Они узнали, что там собирается венчаться богатая пара. Нищие народ ушлый, у них есть свои осведомители.

* * *

Сент-Антуанское предместье.

Из наемного фиакра стремительно выходит красивый молодой человек (Дарней), бросает монету кучеру и быстрым шагом направляется вглубь предместья.

* * *

Погребок Дефаржа полон посетителей.

Компания за одним из столов.

Первый посетитель. Народу есть нечего, а королева на миллионы ливров драгоценностей заказывает.

Второй посетитель. Так они же ей даром достались. Когда ювелиры явились за деньгами, их сразу же упекли в Бастилию.

Третий посетитель. Ювелиров не жалко. Они все колдуны. Они свои камни в человеческой крови кипятят, чтоб лучше блестели.

Второй посетитель. У королевы сын от графа Ферзена.

А когда вырастет, станет нашим королем.

Первый посетитель. Ничего, королева Изабо сама не знала, от кого у нее дети.

Второй посетитель. От Святого Духа.

Третий посетитель. Вот так нами и правят всю жизнь колдуны и ублюдки. Чего же удивляться, что мы такие!

Второй посетитель. А какие мы?

Третий посетитель. Вот такие.

Дарней входит в погребок и направляется к стойке. За стойкой жена Дефаржа.

Посетители кабачка провожают Дарнея злобными взглядами.

Дарней. Добрый вечер, мадам. Ваш муж посылал за мной...

Жена Дефаржа (*перебивая его*). Идите сюда, сюда!..

Она быстро направляется к боковой двери, он следует за нею. Дарней и жена Дефаржа входят во внутреннюю комнату с убогой претензией на роскошь. Это парадная комната Дефаржей, одновременно служащая супружеской спальней.

Жена Дефаржа. Он сейчас придет.

Она быстро возвращается за стойку.

Жена Дефаржа. Эй, Жанно, сбегай за отцом!

Маленький мальчик лет одиннадцати бросается со всех ног выполнять ее поручение.

* * *

К Дарнею входит Дефарж.

Дефарж. Добрый вечер, господин маркиз!

Дарней (*шепотом*). Никаких маркизов, месье Дефарж! Ваши гости и без того уже готовы меня на куски разорвать.

Дефарж (*слегка кивает*). Они приехали. Я попросил, чтобы до темноты они сюда не приходили. Ну, сами понимаете...

Дарней. А кто приехал?

Дефарж. Его дочь. И тот господин из Теллсон-банка, которому вы писали. И еще одна женщина, англичанка.

Я попросил, чтобы пришли только двое. Я думаю, они будут с минуты на минуту.

Дарней. Почему эти люди так на меня смотрели? На мне написано, что ли, кто я такой? Я одет как самый скромный буржуа.

Дефарж. А ваша осанка? Это осанка завязанного фехтовальщика и наездника. А выражение лица? Оно у вас конечно доброе, но сразу видно, что вы никого и ничего не боитесь. А такие люди всегда кажутся очень гордыми...

Дарней. Ну понятно, проклятый аристократ, враг народа. Видно, нигде я не буду своим. Хоть в пустыню беги!

(*Он делает небольшую паузу.*)

Скажите, месье Дефарж, а как простые люди друг к другу относятся?

Дефарж. Простым людям нечего делить. А без взаимной поддержки они и выжить не смогут. Но если кому-нибудь случится разбогатеть, то никто его за это больше любить не станет. И сам он тоже добрее не делается.

Дарней. Вы такой глубокий человек, месье Дефарж. С вами так интересно говорить. Если бы вы получили достойное образование...

Дефарж (*перебивает его*). Не надо об этом! (*За окном шум подъехавшего экипажа.*) Вот, кажется, они приехали.

Дарней. Почему вы думаете, что это они?

Дефарж. Под нашими окнами нечасто проезжают экипажи. (*Направляется к двери.*) Я пойду, а вы выходите минуты через две. Мы будем вас ждать на улице.

(*Выходит.*)

Дарней ходит взад-вперед по комнатке, затем выходит в зал. Посетители рассматривают его с головы до ног, смотрят ему вслед.

Первый посетитель. Что он тут делает, этот красавчик?

Я его уже не в первый раз вижу.

Второй посетитель. Ты разве не знаешь, что Дефарж потихоньку лекарствами приторговывает? Может, этому франту какая отравка понадобилась, богатого родственника покормить!

Первый посетитель. Ты что! Папаша Дефарж ничем таким не занимается!

* * *

Дарней выходит на стемневшую улицу. В тусклом свете фонаря он видит Дефаржа, беседующего с молоденькой девушкой. Девушка держит обе его руки в своих.

К Дарнею подходит мистер Лорри.

Лорри (*приподнимая шляпу*). Месье Дарней, если я не ошибаюсь?

Дарней. Совершенно верно.

Лорри. Я Джарвис Лорри из Теллсон-банка. Благодарю вас за ваши хлопоты.

Дефарж делает им знак и вместе с Люси направляется вверх по улице. Лорри и Дарней на небольшом расстоянии идут следом.

Лорри. Он очень смысленный парень, этот Дефарж. Ведь если кто-нибудь узнает, что тут находится человек, просидевший в Бастилии восемнадцать лет, то весь Париж сбежится на него поглазеть. И тогда властям удобнее всего будет запрятать его обратно. (*Он искоса разглядывает Дарнея.*) Ее сиятельство маркиза ничего не говорила о том, как она узнала о судьбе бедного доктора?

Дарней (*твердо*). Ни-че-го.

Лорри (*утвердительно кивает*). Она, несомненно, принадлежала к тем праведникам, которые тайно творят добрые дела. Вы ее сын?

Дарней (*восхищенно*). Как вы догадались, месье Лорри?

Лорри. Деньги можно завещать кому угодно, а добрые дела оставляют в наследство только самым близким.

Я не зря чуть ли не полвека прослужил в Теллсон-банке. Я разбираюсь и в людях, и в завещаниях.

* * *

Дефарж и Люси пересекают двор-колодец, подходят к входной двери и останавливаются, дожидаясь своих спутников.

Лорри и Дарней подходят. Дарней отвечает Люси поклон.

Дефарж (*шепотом*). Нам надо на пятый этаж. Вам это не трудно, мадемуазель?

Люси отрицательно качает головой. Все четверо начинают медленно подниматься по лестнице и останавливаются перед дверью на верхнем этаже. Люси закрывает лицо руками. Дефарж достает ключ, открывает дверь.

В чердачной комнате на низенькой скамейке сидит седовласый изможденный человек и при свете тусклой лампы ковыряет ножом деревянный башмак. У его ног лежат еще какие-то инструменты.

Дефарж входит в комнатку с фонарем. Остальные следуют за ним и останавливаются в дверях.

Дефарж (*негромко*). К вам пришли.

Манэ не реагирует.

Дефарж (*шепотом, к Люси и Лорри*). Он думает, что я тюремщик.

Лорри (*подходя к Манэ*). Добрый вечер, доктор Манэ. (*Тот не реагирует.*) Добрый вечер. Я Джарвис Лорри из Теллсон-банка. А вы кто будете?

Манэ (*поднимая глаза*). Сто пятый, Северная башня.

Лорри. А что это вы делаете? Можно посмотреть?

Манэ (*более охотно*). Это башмаки. Деревянные башмаки. За водой ходить. В дождь носить.

Лорри. А вы всегда их делали?

Манэ. Это моя работа. Надо работать. Я просил, и мне разрешили. Надо все время работать.

Лорри. Зачем работать?

Манэ. Надо все время работать. Чтоб не сойти с ума. Я буду работать. Я не сойду с ума. Люси бросается к Манэ, опускается перед ним на колени, обнимает его, прижимает к себе его голову.

Люси (*сквозь слезы*). Отец! Дорогой мой! Любимый!

Я здесь, я с вами! Мы едем домой. Мы скоро будем дома. Вам там будет хорошо! Все будет хорошо!

* * *

Возле подъезда стоит экипаж. Лорри и Дарней прохаживаются по двору.

Появляется Дефарж в сопровождении двоих дюжих парней.

Быстрыми шагами они входят в дом.

Лорри. Этому Дефаржу цены нет. Он действует, как заправский врач. Доктору Манэ небольшая доза опия не повредит. А нам это сильно облегчает дело.

Дарней. Вы знаете, месье Лорри, я намерен исполнить поручение моей матушки до конца. Я собираюсь поехать в Англию и там удостовериться, что у доктора все в порядке и он ни в чем не нуждается. Честно говоря, я думал, что поеду вместе с вами. Но, наверное, вы правы, что увозите его так поспешно.

Лорри. Так решила мадемуазель. Мне было бы удобней, если бы они задержались дней на пять-шесть. Но я не люблю с кем-либо спорить, а она девица очень решительная.

Дарней (*взволнованно*). Так вы не едете с ними?

Лорри. Я провожу их до Кале и немедленно вернусь в Париж. У меня неотложные дела в Теллсон-банке.

Дарней. Но как же мадемуазель одна повезет такого тяжелого больного? Да еще морем!

Лорри (*с легкой улыбкой*). Она так решила. И она не одна.

С нею едет еще одна дама. Тоже с очень решительным характером.

Дарней. Нет, месье Лорри, это невозможно! Человек в таком состоянии на руках у женщин! (*Задумывается на пару секунд.*) Вы будете заезжать в какую-нибудь гостиницу в Кале?

Лорри. Несомненно. Я всегда останавливаюсь в гостинице «Пеликан». Хозяина зовут Бернар Мишо.

Дарней. Тогда я вас покидаю. (*Отвешивает ему поклон.*) Встретимся в Кале! Может, я окажусь там даже раньше вас. (*Почти убегает.*)

Лорри (*глядя ему вслед*). Сущее дитя! Есть же на свете такие натуры!

* * *

4. Гавань в Кале. Корабли качаются на рейде.

Грузчики с мешками на плечах бегают вверх и вниз по трапам.

Корабль с поднятыми парусами.

Лорри, Дарней и мисс Адамс стоят на палубе возле трапа.

Лорри. Вы можете положиться на мистера Дарнея как на меня самого, дорогая мисс Адамс.

Мисс Адамс (*прижимая руки к груди*). Благодарю вас, сэр! Благодарю вас, мистер Дарней! (*К Лорри*) Я же вам говорила, мистер Лорри, что все устроится, что Господь нас не покинет.

Лорри. Для меня важнее, что в ближайшие дни вас не покинет мистер Дарней.

Мисс Адамс. Ах, значит, вы считаете!..

Лорри (*перебивая*). Я считаю, что мне пора сходить на берег, мой добрый друг. (*Пожимая руку Дарнейю*) Всего доброго, сэра. Если вы любите беседы на религиозные темы, то в обществе мисс Адамс вам никогда не будет скучно.

* * *

Ночь. Корабль в открытом море. Ветер усиливается, волны становятся все выше. Начинается шторм.

Мачта кренится. Матросы тянут канаты, выпрямляя мачту.

* * *

Дарней, одетый, дремлет на койке в своей каюте.

* * *

Доктор Манэ спит, укрытый одеялом. Люси сидит возле него, не сводя с него глаз.

* * *

Волны заливают палубу.

* * *

Манэ снится путешествие на корабле, буря, кораблекрушение. Он кричит во сне.

* * *

Мисс Адамс, держась за переборки, с трудом преодолевает расстояние между двумя каютами и входит к доктору.

* * *

Манэ снится, что он тонет.

Манэ. Люси! Мы тонем! Где ты, Люси?

Люси. Я здесь, отец!

Мисс Адамс (*глухо*). Он зовет твою мать.

Манэ. Помогите! Помогите! У меня там жена и ребенок! Они погибают! Помогите!

Женщины пытаются привести его в чувство.

Мисс Адамс. Очнитесь, сэра! Мы на корабле!

Манэ. Люси! Люси! Спасите ее!

* * *

Дарней просыпается в своей каюте и спешит на помощь.

* * *

Каюта доктора.

Дарней (*появляясь в дверях*). Его надо устроить на палубе. Шторм уже утихает. Здесь очень душно, а на воздухе ему будет легче.

Люси. Но он не дойдет!

Дарней. Я все сделаю, мадемуазель.

* * *

Дарней бежит в свою каюту, выносит на палубу постель и возвращается к ним.

Доктор продолжает метаться и звать на помощь. Дарней берет его на руки и выносит на палубу.

Шторм стихает. Доктор Манэ открывает глаза, видит ночное звездное небо и склонившихся к нему людей.

Манэ. Мы на корабле?

Мисс Адамс. Да.

Манэ. Куда мы плывем?

Мисс Адамс. В Англию.

Манэ. Моя жена погибла?

Мисс Адамс. Да.

Манэ. А ребенок?

Мисс Адамс. Ребенок спасся.

* * *

Ясное солнечное утро. Корабль приближается к Дувру.

Дарней, Люси и мисс Адамс стоят у борта.

Дарней (*к Люси*). Прошу вас, мадемуазель, не беспокойтесь ни о чем. Нам вообще не понадобятся никакие носильщики. Я снесу месье Манэ по трапу на руках, как ребенка. Я это сделаю гораздо бережней, чем любой носильщик.

Люси. Я не знаю, как вас благодарить, месье Дарней, за вашу доброту.

Дарней. Что вы, мадемуазель Манэ! Это я должен вас благодарить за то, что вы принимаете мои услуги.

Мисс Адамс смотрит на молодого человека, потом на девушку. На ее лице появляется легкая улыбка. Она одобрительно кивает в такт своим мыслям.

Глава вторая (Пять лет спустя)

* * *

1. Открытая коляска едет через деревню. В коляске Дарней и Габелль, управляющий Эвремондов, пожилой дородный человек.

Дарней. Уверяю вас, месье Габелль, если бы последний английский бедняк увидел, как живут наши крестьяне, у него бы волосы дыбом встали.

Габелль. Насколько мне известно, в Англии полным-полно бездомных бродяг.

Дарней. Совершенно верно. А у нас в нищете живут люди, которые работают от зари до зари.

Габелль (*ворчливо*). Да, от зари до зари от работы отлынивают и только ищут, чего бы украсть. Им палец в рот не клади, нашим милым крестьянам. Я знаю, вы их очень любите, ваше сиятельство.

Дарней. Я же просил вас не называть меня сиятельством. Я отказываюсь от титула. Уже отказался.

Габелль. И очень напрасно. Ваши предки носили этот титул пятьсот лет.

Дарней. А вы знаете, что даже герцог Орлеанский говорит, что он готов отказаться от титула?

Габелль (*со смехом*). Говорит, говорит. И так громко говорит, что слышно даже в нашей деревне.

Дарней. Что же тут смешного, месье Габелль?

Габелль. Да всем почему-то кажется, что он хочет отказаться от этого титула, чтобы приобрести другой, более громкий.

Дарней. Вы хотите сказать, что род человеческий состоит из одних только подлецов?

Габелль (*фыркнув*). Я ничего такого сказать не хочу, но как-то само напрашивается. А я ведь тоже принадлежу к человеческому роду! Я клянусь вам, что если бы мне показали людей, у которых красивые слова не расходятся с делом, я был бы только рад. Даже очень рад. Потому что я сам, как я уже сказал, принадлежу к человеческому роду.

Дарней. А если я вам покажу таких людей?

Габелль. Но ведь для этого, конечно же, придется ехать в Англию?

Дарней. Ну, придется.

Габелль. Ах, месье Шарль! Вам уже скоро тридцать, а вы все такой же, каким были в двенадцать лет!

* * *

Дядя Дарнея (Эвремонд-младший) охорашивается перед туалетным столом. Входит Габелль.

Габелль. Прибыл ваш племянник, ваша милость. Он же бывший маркиз. Он же англичанин Ча-арльз Дарней.

* * *

Столовая комната.

Дядя входит и подставляет Дарнею щеку для поцелуя. Тот едва прикасается к ней губами.
Дядя. Здравствуй, мой милый.

Оба усаживаются за сервированный стол и приступают к еде.

Дядя. Ты на этот раз так долго выбирался из своей любезной Англии, что я уже стал думать, не случилось ли чего. Учти, при нынешнем напряжении между двумя королевствами, когда человек вот так болтается взад-вперед, его легко могут принять за шпиона. И четверговать.

Дарней (*улыбаясь*). Мне кажется, что для вас это было бы весьма кстати.

Дядя. Ты становишься циничным, мой друг. Ну что же, я тебе отвечу с той же откровенностью. Да, это бы избавило меня от многих осложнений. Если бы твоя прелестная затея была простым сумасшествием, это, как говорится, еще полбеды. Людям иногда случается сходить с ума. Но в свете этих новомодных идей твое поведение выглядит просто вызывающим и, естественно, бросает тень на ближайших родственников.

Дарней. Я давно уже совершеннолетний и имею право распоряжаться собой и своей собственностью. Я проконсультировался, я все досконально обсудил с юристами.

Дядя (*раздражаясь все больше*). Но еще раньше ты проконсультировался со своими идейными вдохновителями. Властители дум! Мерзавцы! Хотел бы я посмотреть на кого-нибудь из них!.. Хотел бы я посмотреть, как Жан-Жак Руссо отказывается от титула и родовых поместий! Вот была бы картина!

Дарней. Я не принадлежу к людям, зависящим от чужих мнений. Я мыслю совершенно самостоятельно.

Дядя. Все дураки так считают. Прости, мой друг, я не хотел тебя обидеть. (*Он отпивает глоток воды.*)

Но я не могу не презирать всю эту сволочь, которая вопит о наших привилегиях! Да они сами только о них и мечтают! Им бы только дорваться!

Дарней. Ну хорошо. А доктор Манэ? Он тоже мечтал о привилегиях?

Дядя (*испуганно*). Какой еще доктор Манэ?

Дарней. Тот самый, которого вы засадили в Бастилию на восемнадцать лет!

Входит лакей с горячим блюдом, ставит его на стол, снимает крышку. Дядя движением руки высылает его прочь.

Дядя (*несколько успокоившись*). Так. Можно не спрашивать, откуда ты все это знаешь. (*Накладывает себе полную тарелку.*) Хороша была твоя матушка. И после смерти не угомонилась. Но только учти, что «засадила» этого доктора не я, а твой отец.

Дарней. Да, но он это сделал из-за вас. Он всякий раз был вынужден вас покрывать, чтобы спасти честь семьи.

Дядя. Да-да, и это тоже тебе поведала покойная маркиза. Выходит, она все же любила моего брата, если рассказывала о нем такие благостные сказки. А я всегда думал, что она любит только саму себя.

Дарней (*насмешливо поднимая брови*). Ах, вы так думали? А мне казалось, что вы были достаточно хорошо знакомы с маркизой.

Дядя. Я не совсем правильно выразился.

Входит лакей с очередным блюдом, ставит на стол и быстро исчезает.

Дядя (*продолжает*). Маркиза была очень религиозна.

А богомольные особы, как известно, весьма эгоистичны. Их главная цель – обеспечить себе хорошее местечко в потустороннем мире. Тем более что в этом мире твоя матушка имела все, чего только могла пожелать. (*Наливает себе вино и пьет.*) Но тебе она солгала. Твой отец вовсе не был таким, как тебе бы хотелось. Видел бы ты, как он выколачивал из крестьян недоимки! Я этим никогда не занимался. А он с них просто шкуру спускал. Убивать их он, конечно, не хотел, но после такой порки некоторые умирали.

Дарней вскакивает и отходит к окну.

Дядя (*ехидно*). Ты можешь спросить у этих милых крестьян, кого они больше ненавидели – своего старшего сеньора или его легкомысленного младшего брата.

Дарней. Вот поэтому я не хочу здесь оставаться. Я не хочу получать в наследство всю эту ненависть.

Дядя. Твое дело.

Дарней возвращается за стол, выпивает бокал вина и принимается за еду.

Дядя. И все же я не пойму, для чего маркиза рассказала тебе про доктора Манэ?

Дарней. Сейчас я вам объясню.

Дядя. Объясни.

Дарней. Его посадили на восемнадцать лет. Казнить или посадить пожизненно без всякого суда не мог даже ваш кузен прокурор Парижа.

Дядя. Твой кузен. Он был родственником твоей матери.

Дарней. Тем хуже для меня. Когда эти восемнадцать лет подходили к концу, маркиза заболела и, понимая, что уже не встанет, она завещала мне...

Дядя (*в ужасе*). Так значит, он не умер в Бастилии?..

Дарней. Нет, не умер.

Дядя. И она все эти годы!..

Дарней. Да. Она помнила о нем и держала в поле зрения. И я не знаю, как это получилось, но я уверен, что он остался жив благодаря ей. Она решила во что бы то ни стало его спасти. И спасла. Даже после своей смерти.

Дядя (*очень тихо*). И он даже не повредился в уме? За столько лет? (*Дарней пристально смотрит ему в глаза и не отвечает.*) Он теперь в Англии, конечно? У него жена была англичанка...

Дарней. Она давно умерла.

Дядя выпивает бокал вина и опять принимается за еду.

Дядя (*спокойно и небрежно*). Итак, ты решил сменить Людовика XVI на Георга III. А веру ты еще не поменял? Ты католик или гугенот? В Англии католиков не очень-то жалуют.

Дарней. Я никогда не интересовался богословием, но по моему убеждению все эти распри между протестантами и католиками – просто политическая борьба.

Дядя. Несомненно. И в Англии намного выгоднее быть гугенотом.

Дарней. Мне эти вещи совершенно безразличны. Но я не собираюсь лицемерить ни перед Богом, ни перед людьми.

Дядя. Ты что, веришь в существование Бога?

Дарней. Конечно верю. Но по-своему.

Дядя. А я все же думаю, что Бога не существует.

Между ними на серебряном подносе стоят флаконы с приправами. Дядя берет один из них, вертит в руках и задумчиво смотрит, как луч света играет в хрустале.

Дядя. Если бы Бог существовал, Он должен был бы давно наказать меня. И многих других.

* * *

Габелль усаживает Дарнея в коляску.

Дарней. Ну вот и всё.

Габелль. А вот и не всё. Вы в заколдованном круге, месье Шарль. Вы отказались в пользу своего дядюшки, но ведь он, увы, не вечен, а других наследников у него нет. Рано или поздно вы опять окажетесь маркизом д'Эвремондом.

Дарней. Вот тогда уж мне будет совершенно все равно. Вышлю вам доверенность, и распоряжайтесь. Если еще будет, чем распоряжаться.

Габелль (*сдерживая смех*). Но я же старше вашего дяди!

С чего вы взяли, что я его переживу? (*С легким поклоном*) Но конечно, если ваше сиятельство приказывает, я постараюсь, я приложу все усилия.

* * *

2. Лондон. Уголовный суд Олд-Бейли.

В помещениях толпится множество народа: посетители, рассылные, клерки, юристы в париках и мантиях. Конторка с кипой бумаг. Старый клерк диктует молодому.

Старый клерк. Пиши: убийств – восемь, подлогов – пятнадцать; так, мелкие кражи... Не пиши, это в конце. Поджоги – пиши, три...

* * *

Сидней Картон в небрежно накинутой мантии, с париком под мышкой поднимается по центральной лестнице. Навстречу ему – другой молодой адвокат.

Адвокат. Привет, Картон! Ты слышал новость? В парламенте подняли вопрос об отмене квалифицированной казни.

Картон (*вздыхая*). Новость хорошая. Лет десять подебатыруют и, глядишь, отменят. Только моему подзащитному это уже не поможет.

Адвокат. А, это дело о шпионаже! Я совсем забыл. Зачем вы со Страйвером за него взяли? Оно же совершенно безнадежное!

Картон. Рекомендация мистера... (*осекается*)... одного старого друга... отказать было нельзя.

Адвокат. А этот парень действительно шпион?

Картон. Такой же, как мы с тобой, старина. Но как это объяснить присяжным, совершенно непонятно.

Адвокат (*покачивая головой*). Вот идет Страйвер. По-моему, он уже в бешенстве.

По галерее быстрым шагом идет Страйвер. Картон бросается его догонять. Оба входят в комнату для адвокатов.

Страйвер. Мерзавец! Просто мерзавец! – Его дело! Хочет, чтоб его на куски разорвали? Пожалуйста! Но ты представляешь, каким я буду выглядеть идиотом?

Картон. Не только ты, Дик!

Страйвер. Конечно! Ты ведь не собираешься выступать? Ты будешь подавать реплики! – А я? На чем я должен строить защиту? Он дал нам хоть какой-нибудь материал? – Ублюдок!

Картон. Очень изысканный ублюдок. Аристократ до кончиков ногтей.

Страйвер. Ты так думаешь?

Картон. Уверен. Поэтому он ничего не хочет говорить о своей жизни во Франции. И имя у него, конечно же, измененное. Кстати, Дик! На кого он похож? У меня такое чувство, как будто я его хорошо знаю. А я его никогда раньше не видел.

Страйвер. Он похож на человека, которого должны подвергнуть квалифицированной казни! Я что, по-твоему? Бесчувственная скотина? Мне нравится смотреть на живого парня и думать, что его скоро будут потрошить как!.. Черт бы его побрал!

А ты знаешь, Картон, ведь он же не соображает, каким образом его отправят на тот свет! До меня это только сейчас дошло! – Ну вот что! Я уже к нему не пойду. Но если ты туда отправишься, ты растолкуй ему, пожалуйста, что значит квалифицированная казнь в Соединенном Королевстве.

* * *

Дарней в тюремной камере. Он мерит ее шагами, делает какие-то упражнения, чтобы размяться.

В зарешеченное окошко под потолком льется свет. Дарней поднимает голову и смотрит на окошко.

* * *

Тюремщик отворяет дверь, впуская Картона.

* * *

Дарней и Картон.

Картон. Ну что, мистер Дарней, отказываетесь нам помочь?

Дарней. Наоборот, я рассчитываю на помощь вашу и мистера Страйвера.

Картон. Но мы же не чудотворцы! Вы войдите в положение присяжных. Человек приезжает из Франции, поселяется в Англии, но при этом на месте не сидит, а все время разъезжает взад-вперед. А у нас не самые лучшие отношения с Францией, и только что закончилась война с американскими колониями. И тут на него поступает донос от добропорядочного патриота, что в самый разгар военных действий он был замечен на территории военной судоверфи. Кому они должны верить?

Дарней. Я этого негодяя видел мельком один или два раза. Что ему вздумалось отправлять меня на тот свет?

Картон. Он состоит платным агентом в тайном сыске. Службу свою несет нерадиво. А тут подворачивается случай и жалованье оправдать, и, возможно, получить награду.

Дарней. Но это же людоедство!

Картон. Совершенно верно, мистер Дарней, это людоедство. Моя юридическая практика и мои исторические познания меня уже давно убедили в том, что человеческие особи с большой охотой занимаются людоедством. А есть еще множество завуалированных форм, и есть законы, которые их допускают и поощряют. – Ну как, станем подыгрывать людоедам?

Дарней (*смущенно*). Мистер Картон! Я ведь не так глуп, как может показаться. Я понимаю, что моя позиция мне не на пользу, и вашей адвокатской репутации тоже. Но поверьте, если я начну рассказывать о причинах, по которым я эмигрировал, нам с вами легче не станет. Бедные присяжные совсем собьются с толку.

Картон (*едва скрывая раздражение*). Конечно, они плебеи и их дело судить плебеев. Дела таких персон, как вы, у нас разбираются в палате лордов!

Дарней (*искренне удивлен*). А что вам дает основания?..

Картон (*перебивая*). Ваше высокомерие! Вам грозит смерть, мучительная смерть! А вы пальцем пошевелить не хотите! Не хотите говорить правду – надо выбрать правдоподобную версию! Мы вам предлагали, и еще сейчас не поздно! А вы только демонстрируете свое презрение к смерти.

Дарней. Мистер Картон! Уверю вас, что вы ошибаетесь.

Я не хочу придумывать какие-то версии, потому что я знаю себя, я непременно запутаюсь и еще больше испорчу дело.

А что касается смерти, то она, честное слово, не входила в мои ближайшие планы. И я предпочитаю о ней не думать, я предпочитаю обдумывать свои планы. Я знаю, что в этом деле очень многое против меня, но не всё, не всё... Есть и другие силы.

Дарней глазами указывает вверх.

Картон. И вы всерьез верите, что высшие силы вмешиваются в нашу презренную жизнь?

Дарней. Если я останусь жив, то буду в это твердо верить. А в противном случае буду точно знать.

* * *

Картон идет по улице.

Картон (*про себя*). Ну что же мне с тобой делать, маркиз Карабас? И на кого же ты так похож?

* * *

3. Зал суда заполняется народом.

Присяжные, джентльмены с грубоватыми физиономиями, занимают свои места.

Страйвер и Картон усаживаются за стол, раскладывают бумаги.

Конвойные вводят Дарнея, все присутствующие впиваются в него глазами.

Дарней вместе с конвойными располагается в специально огороженном месте.

Картон (*шепотом, Страйверу*). Послушай, Дик, когда мы с тобой учились в Сорбонне, там не было кого-нибудь, похожего на него? Может, кто-то из его родственников?

Страйвер. Ты мне надоел. А ты знаешь, что в парламенте подняли вопрос о квалифицированной казни?

Картон. Оч-чень своевременно.

Страйвер. Ладно, не страдай. У тебя есть надежное средство. Напьешься, а там и забудешь.

Входит судья. Все присутствующие поднимаются с мест, затем садятся.

Процесс идет своим чередом.

Дарней, сидя на скамье подсудимых, старается не обращать внимания на происходящее. Он прикрывает веки. Ему представляется большой многомачтовый парусник. Он медленно входит в гавань.

Дарней подробно рассматривает корабельные снасти.

На пристани толпа встречающих. Мужчины машут шляпами, у женщин в руках цветы.

Дарней почти засыпает, завороченный своим видением. Он вздрагивает от голоса Страйвера.

Страйвер. Я протестую, милорд! Следствие установило, что в этих бумагах не что иное, как переводы на английский произведений французского поэта Расина. Бумаги приобщены к делу.

Судья. Протест принимается.

Дарней снова погружается в созерцание корабля.

Идет допрос очередного свидетеля.

Страйвер (*шепотом, Картону*). Да, отличное дельце. Удружил нам твой мистер Лорри.

Картон. Наш мистер Лорри.

Дарней ловит взгляд Картона, устремленный на него, и ласково ему улыбается.

Прокурор ведет допрос свидетеля.

Страйвер (*вскакивая с места*). Господа присяжные, слова моего подзащитного о том, что Джордж Вашингтон вошел в историю, нельзя рассматривать как подстрекательство к

измене. В историю вошли царь Ирод, Нерон и Калигула, Кровавая Мария и множество им подобных. С Джорджем Вашингтоном правительство его величества заключило договор. Это тоже основание для того, чтобы войти в историю.

Дарней почти засыпает.

Судья. У защиты есть вопросы к свидетелю?

Картон. Да.

Судья. Прошу вас, мистер Картон.

Картон. Свидетель Добсон, как вы объясните тот факт, что вы заняли у подсудимого крупную сумму в тот самый день, когда ваш знакомый подал на него донос?

Дарней дремлет и просыпается от громкого голоса: «Объявляется перерыв».

* * *

У входа в Олд-Бейли останавливаются мистер Лорри, мисс Адамс, Люси и доктор Манэ, величественный старик.

Люси (*хватая мистера Лорри за руку*). Мистер Лорри! Вы действительно уверены, что Чарльзу ничего страшного не грозит?

Лорри. Дитя мое, главное – это вердикт присяжных. Когда прокурор начнет произносить свою речь, вы его даже не слушайте. Это его обязанность – объявить всякого подсудимого виновным. А присяжные выслушивают обе стороны, да еще всех свидетелей. Они всегда выносят справедливое решение, на этом стоит британское правосудие.

Люси. Но если его признают виновным, то это – казнь?

Лорри. Меру наказания назначает судья. Дарней иностранец, его могут просто выслать.

Манэ. Ему нельзя возвращаться во Францию, это тоже опасно.

Люси. Я ни в коем случае не поеду во Францию.

Лорри. Но есть же и другие места. Можно, например, поселиться в Италии.

Мисс Адамс (*машинально*). В Италии, говорят, все очень дешево.

Лорри. Ну, вы идите, а мы с мисс Адамс погуляем, зайдем в бисквитную. Я тут знаю одну бисквитную.

Он целует Люси, берет под руку мисс Адамс и уходит с нею. Доктор Манэ и Люси входят в здание суда.

Лорри и мисс Адамс проходят несколько шагов и останавливаются.

Лорри. А теперь, мисс Адамс, мы с вами пойдем в ближайшую церковь, хотя сегодня не праздник и не воскресенье.

Мисс Адамс. Можно молиться на любом месте, сэр.

Лорри. Кто может, а кто нет! Вы понимаете, что Чарльза может спасти только чудо?

Мисс Адамс (*ошеломленная*). Но вы же говорили, что можно уехать в Италию?

Лорри. Какая Италия! Я это все говорил для них! Если бы они знали, каково его положение на самом деле, они бы оба умерли за этот месяц.

Мисс Адамс сгибается так, как будто ее ударили в солнечное сплетение. Через несколько секунд она выпрямляется, и оба они быстрыми шагами направляются в сторону церкви.

* * *

Коридор в Олд-Бейли, запруженный народом.

Картон сидит на подоконнике, ест хлеб с сыром и запивает пивом из кружки. К нему подходит Страйвер.

Страйвер. Ну-у, мистер Лорри! Совсем из ума выжил! Обвинение вызвало в качестве свидетеля его друга доктора Манэ, а я об этом узнаю в последнюю минуту.

Картон. Какого Манэ? Того, что просидел всю жизнь в Бастилии?

Страйвер. Да.

Картон. Но он же потерял память! Как он может давать показания?

Страйвер. Ты отстал от жизни, мой милый. Доктор Манэ уже больше двух лет – практикующий врач в Сохо.

Картон. У нас за спиной происходят чудеса. Неужели такое возможно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.